

Вода в пруду была ледяной, она буквально обжигала кожу. Стоило юноше нырнуть, как тонкое ученическое одеяние намокло и потянуло вниз, сковывая движения. Чэн Янь ушёл глубоко под воду, преодолел несколько метров и лишь затем вынырнул, чтобы жадно глотать воздух.

До него доносились какие-то крики с берега, но он не тратил времени на то, чтобы вслушиваться. Чэн Янь не спускал глаз с того места, где скрылся под водой Чу Ван. Убедившись, что направление выбрано верно, он вновь нырнул и, затаив дыхание, яростно заработал руками.

Широкие рукава мешали, они тяжелели с каждым мгновением, увлекая за собой потоки воды. Ему приходилось прилагать огромные усилия, чтобы выносить руки вперёд, и каждый его гребок сопровождался каскадом брызг, шумно разбивающихся о поверхность пруда.

В груди Чэн Яня клокотало нетерпение. Он плыл, стиснув зубы, не чувствуя, как мышцы наливаются свинцовой тяжестью. Юноша не знал, насколько быстро продвигается, — он просто вкладывал всю свою силу в каждое движение.

В этот миг в памяти невольно всплыло, как ещё до прибытия в этот мир 002 заглянул в его личное пространство. Система считала его одержимость идеей обрести плоть нелепой.

«Знаешь, как дорого стоит физическое тело? — голос 002 звучал насмешливо. — Там, в Бэньюане, оно нам вовсе не нужно. Мы можем меняться тысячи раз, принимая любой облик...»

«Делай что хочешь — какая свобода! Какое удовольствие!»

«Почему я так встревожен?»

Он, кажется, никогда прежде не чувствовал себя настолько беспомощным. Предчувствие невосполнимой потери было таким острым и пугающим, будто... будто нечто подобное уже случалось с ним когда-то.

Под водой лунный свет казался тусклым. Он падал на поверхность пруда, но не мог пробить толщу тёмной, непроглядной воды.

Куда ни глянь — повсюду была лишь пугающая чернота. Фигуры Чу Вана нигде не было видно. Чэн Янь уже достиг середины Битаня, преодолев большую часть пути. Несмотря на свои способности к безупречным расчётам и абсолютную память, он то и дело выныривал, лихорадочно проверяя, не ошибся ли он местом.

Наконец юноша отчётливо услышал голоса. Соученики на берегу выкрикивали его имя; кто-то притащил факелы, и их неверный свет выхватил из темноты лишь крохотный участок водной

глади.

Он не знал, почему они прибежали сюда, да и не хотел об этом думать.

Пруд был невелик, но глубина в этом месте оказалась значительной. Добравшись до того участка, где соученик ушёл под воду, Чэн Янь резко нырнул. Он широко открыл глаза, пытаясь в призрачном полумраке разглядеть хоть что-то.

В глубине царила мёртвая тишина, казалось, само время застыло в этом холодном безмолвии. Осмотревшись и не обнаружив ничего, пловец вынырнул, жадно глотнул воздуха и вновь ушёл на дно.

— Чэн Чанцин! Чэн Чанцин! Что ты делаешь?! — доносилось с берега.

Ему было не до ответов. С каждым погружением он всё глубже уходил в воду, и голоса соучеников превращались в неразличимый гул.

Внезапно один из криков прозвучал отчётливее:

— Там кто-то есть!

Чэн Янь рванулся на поверхность, озираясь по сторонам.

— Вон там! Чэн Чанцин! Слева от тебя!

Помощь людей на берегу уже не требовалась — он сам увидел синее пятно, то появляющееся, то исчезающее в волнах. Лунный свет будто специально выбрал это место, заливая его серебром, отчего мокрая ткань одежды Чу Вана мерцала призрачным блеском.

Чанцин рванулся вперёд, и силы будто вернулись к нему в одно мгновение. Он забыл о холоде, пропитавшем его до костей, забыл о ноющей боли в мышцах.

Наконец синее одеяние оказалось совсем рядом. Чэн Янь схватил юношу за край одежды, а затем крепко обхватил обмякшее, ледяное тело.

Лунный свет был неверным, но он отчётливо видел бледное лицо Чу Вана. Глаза того были плотно закрыты, длинные ресницы усыпаны каплями воды, которые стекали вниз точно слёзы. Кожа пострадавшего приобрела пугающий синюшный оттенок, губы обескровели.

— Чу Ван! Чу Ван! — позвал Чэн Янь.

Ответа не последовало. Обхватив юношу за талию и гребя одной рукой, Чанцин направился к берегу, где метались огни факелов.

Чу Ван был без сознания и не сопротивлялся. Спасителю на миг показалось, что он прижимает к себе безжизненное бревно. Он хотел было проверить, дышит ли юноша, но внезапный страх сковал его сердце — он просто не посмел этого сделать.

В тот миг он напрочь забыл, что если Чу Ван погибнет, его миссия в этом мире будет провалена, и он будет вынужден уйти.

Путь назад показался короче. Вскоре Чэн Янь уже был у самого берега. Он вскинул голову, глядя на встревоженные лица соучеников.

Многих из них он видел впервые и не знал имён, но сейчас они наперебой что-то кричали, и в их голосах слышалось искреннее беспокойство.

— Чэн Чанцин, зачем ты прыгнул?!

— Кого ты вытащил?

— Дай руку, я помогу!

Чэн Янь чувствовал, что силы окончательно покидают его. Из последних сил он приподнял тело над водой, пытаясь передать его на берег.

— Сначала... сначала заберите Чу Вана! — прохрипел он, задыхаясь.

Только теперь соученики узнали пострадавшего. В смятении и спешке они подхватили юношу, вытащили его на траву, а затем помогли выбраться и самому Чэн Яню.

Едва коснувшись земли, он ощутил невыносимую тяжесть. Юноша рухнул на колени, перед глазами всё поплыло.

Чу Вана положили на траву. Кто-то поднёс факел к его лицу, кто-то робко коснулся носа.

— Жив... ещё жив... — пролепетал один из юношей. Почувствовав слабое, едва заметное дыхание, он отступил и, не в силах стоять, обессиленно опустился рядом.

— Как же Чу Цзыгуань оказался в воде?

— Сколько он там пробыл?

— Нужно звать учителя Даоцина! Что же нам делать?!

Чэн Янь глубоко вздохнул, чувствуя, как оцепенение проходит. Он резко поднялся и шагнул к соученику.

Опустившись на колени рядом с ним, он с силой надавил на точку над его верхней губой. Другой рукой он вцепился в запястье Чу Вана, проверяя пульс. Спустя несколько секунд лицо Чэн Яня потемнело. Он сорвал с пострадавшего пояс, рванул ворот одежды, обнажая белую грудь.

Сцепив пальцы в замок, Чанцин начал ритмично давить на грудную клетку юноши.

— Что ты творишь?! — вскрикнул кто-то из учеников, не понимая смысла его действий. Но его тут же одёрнули:

— Чэн Чанцин сам его вытащил, он знает, что делает. Наверное, спасает его.

В следующее мгновение все замерли, глядя, как Чэн Янь, сделав десяток нажатий, вдруг глубоко вздохнул, наклонился и, приоткрыв рот Чу Вана, приник к его губам.

Кто-то из соучеников испуганно вскрикнул. Когда Чэн Янь повторил это снова, один из юношей робко спросил:

— Он что... вдыхает в него жизнь?

Жизнь Чу Вана висела на волоске, и по суровому, сосредоточенному лицу Чэн Яня было ясно: сейчас ему не до приличий.

Он продолжал чередовать массаж сердца и искусственное дыхание. Брови юноши были сурово сдвинуты, он ни на миг не сводил глаз с лица Чу Вана. Спустя каждые несколько циклов он проверял пульс и дыхание, а затем вновь возвращался к своей работе.

Пот катился по его лбу, заливая глаза, но он не обращал на него внимания. В его взгляде читалось почти безумное упрямство.

Прошло несколько долгих минут. Кто-то тихо пробормотал:

— Его уже не вернуть...

Пруд был слишком глубоковод, и если даже ребёнок мог утонуть за время, пока горит одна палочка благовоний, то что говорить о Чу Ване, который пробыл в ледяной воде так долго.

Но, глядя на Чэн Яня, никто не решался остановить его. Все замолкли, не в силах прервать эту отчаянную борьбу за жизнь, которая всем казалась напрасной.

Но Чэн Янь чувствовал: искра жизни ещё теплится в этом теле. Продолжая надавливать на грудь юноши, он негромко позвал:

— Чу Ван... Чу Ван, очнись...

То ли его зов возымел действие, то ли усилия наконец увенчались успехом, но в тот момент, когда Чанцин собрался сделать очередной вдох, грудь пострадавшего внезапно содрогнулась. Чэн Янь поспешно подхватил его, помогая сесть. Спустя мгновение юноша зашелся в мучительном кашле, извергая воду, и наконец приоткрыл затуманенные глаза.

— Кха... кха... я... я...

Чэн Янь крепко обнял его, боясь, однако, сжать слишком сильно. Он ласково погладил мокрые волосы Чу Вана, придерживая его за затылок.

— Молчи, — прошептал он. — Береги силы. Я отнесу тебя в комнату.

Тот лишь слабо кивнул, продолжая кашлять и отплёвываться водой.

Чэн Янь взвалил юношу себе на спину и направился в сторону общежитий.

Соученики, видя, что Чу Ван пришёл в себя, теперь тревожились за самого Чанцина. После борьбы в холодной воде и долгого спасения на берегу он выглядел совершенно измотанным.

Но юноша лишь покачал головой, отвергая помощь:

— Всё в порядке. Я справлюсь.

Чу Ван, пребывая в полубытьи, уткнулся лицом в его плечо. Чэн Янь чувствовал на своей шее его прерывистое дыхание. От этого прикосновения по телу разлилось странное тепло.

Внезапно пострадавший едва слышно прошептал:

— Чэн Янь... мне... мне холодно...

Чанцин ласково отозвался:

— Потерпи, скоро будем на месте. Переоденешься, я ещё и куриный бульон для тебя сварил. Выпьешь — и сразу согреешься.

— Угу... — Чу Ван издал тихий, сонный звук. Глаза его полуприкрылись, и он пробормотал совсем тихо: — Чэн Янь, у тебя... такая тёплая спина...

Несколько соучеников шли рядом, освещая дорогу факелами. Чэн Янь уже не чувствовал холода — движение разогнало кровь, — но Чу Вана всё ещё была крупная дрожь. Спутники переглядывались в изумлении, не понимая, когда эти двое успели так сблизиться.

Чэн Янь попросил одного из них сбегать на кухню и забрать куриный бульон. Тот, хоть и не горел желанием идти на кухню, в такой ситуации спорить не стал. Но при мысли о том, что Чэн Янь сказал, будто сам сварил этот бульон, лицо соученика невольно приняло странное выражение.

Среди тех, кто помогал, был и сосед Чу Вана по комнате. Именно он, почувствовав неладное, собрал знакомых и прибежал к пруду.

Чэн Янь спросил их:

— Когда вы пришли, вы видели кого-нибудь? Кто толкнул Чу Вана?

Юноши так и замерли на месте.

— Толкнул?! — выдохнул один из них.

Чэн Янь кивнул:

— Или, может, видели, как кто-то убегал от пруда?

Он видел всё своими глазами: кто-то коварно толкнул юношу в воду. Но тогда ему было не до преследований — спасение жизни было важнее.

Воцарилась тяжёлая тишина. Мысль о том, что это был не несчастный случай, а намеренное покушение, совершённое прямо в стенах академии, заставила всех содрогнуться.

Лишь спустя какое-то время один из юношей пробормотал едва слышно:

— Я... мне показалось... я видел чью-то фигуру в лесу. Человек был очень похож на Мэн Чэньхуэя.

Но, осознав, какое страшное обвинение он только что произнёс, он тут же поправился:

— Наверное, я ошибся! Всё произошло так быстро! Мы все смотрели, как Чэн Чанцин прыгает в воду... Я точно ошибся!

Остальные поспешно подхватили:

— Ты видел лицо?

— Нет... не видел...

— Значит, обознался. Нельзя так клеветать на соученика.

— Да-да, конечно, я обознался! Забудьте, что я сказал!

Впереди показались двери общежития, и юноши разом замолчали, не решаясь продолжать этот опасный разговор.

Чэн Янь больше ни о чём не спрашивал. Он уже всё для себя решил, но сейчас на первом месте был Чу Ван.

Он внёс юношу в комнату и усадил на стул, боясь намочить постель. Взгляд Чу Вана стал яснее, но в нём читалось глубокое, тягостное раздумье.

Чэн Янь поблагодарил соучеников и попросил их пока не болтать о случившемся. Затем он принёс горячий бульон и договорился с соседом Чу Вана, чтобы тот на время перебрался на его кровать, которой Чанцин почти не пользовался. Видя, как он печётся о пострадавшем, сосед спорить не стал и, быстро собрав вещи, ушёл.

В комнате горела свеча, но тепла она не давала. Чэн Янь закрыл дверь, подошёл к Чу Вану и негромко предложил:

— Давай я помогу тебе снять мокрую одежду?

Он присел перед юношей так, чтобы их глаза были на одном уровне.

Чу Ван поднял взгляд, и в его глазах Чэн Янь увидел бездну боли и растерянности.

— За что? — голос юноши дрогнул. — Почему он хочет моей смерти? Что я сделал ему такого, что он решил меня убить?!

В последних его словах прозвучала не только обида, но и едва сдерживаемая ярость.

Чэн Янь почувствовал, как сердце сжимается от боли. Он молча накрыл холодную ладонь Чу Вана своей рукой.

<http://bllate.org/book/15870/1442689>